

СТЕНЛИ ЭЛЛИН ЭД МАКБЕЙН

чай, кофе
и убийства

СТЕНЛИ ЭЛЛИН
ВОСЬМОЙ КРУТ

ЭД МАКБЕЙН
ЗЛАТОВЛАСКА
ЛЕД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)я43
Э47

Серия «Чай, кофе и убийства»

Stanley Ellin
THE EIGHTH CIRCLE
Ed McBain
GOLDILOCKS
ICE

Перевод с английского Д. Вознякевича («Восьмой круг»),
А. Калининой («Златовласка»), Л. Шаутидзе («Лед»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Gelfman Schneider c/o Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency LLC.

Эллин, Стенли.

Э47 Восьмой круг / Стенли Эллин ; [пер. с англ. Д. Вознякевича]. Златовласка / Эд Макбейн ; [пер. с англ. А. Калининой]. Лед / Эд Макбейн ; [пер. с англ. Л. Шаутидзе]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 736 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-089854-1

Молодому полицейскому Ландину предъявлены обвинения во взяточничестве и лжесвидетельстве. Адвокат и невеста Ландина, убежденные, что его подставили, обращаются за помощью к частному детективу Мюррею Керку. Однако Керк не спешит оправдывать Ландина — да и информация, которую он получает в ходе расследования, весьма двусмысленна...

Адвокат из маленького городка во Флориде Мэттью Хоуп никогда не думал, что ему придется примерить на себя роль детектива. Однако загадочное и чудовищно жестокое убийство жены и дочерей преуспевающего врача Джеймса Парчейза, с которым его связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения, заставили Мэттью начать собственное расследование — и убедиться, как плохо он знает тех, с кем общается день за днем...

Красавица танцовщица и мелкий наркодилер — что может быть общего у двух столь разных жертв, застреленных с интервалом в неделю из одного и того же револьвера? Ведь они даже не были знакомы... А вскоре происходит и третье убийство — торговца драгоценными камнями. Мотивы убийцы, делом которого занимаются Стив Карелла и его коллеги из 87-го участка, становятся все более необъяснимыми...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)я43

© Stanley Ellin, 1958

© Ed McBain, 1978, 1983

© Перевод. А. Калинина, 2015

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-089854-1

СТЕНЛИ ЭЛЛИН
ВОСЬМОЙ КРУГ

Моим матери и отцу

Часть I

КОНМИ

Глава 1

— Истинно, истинно, — сказал однажды Фрэнк Конми, — это гнусный, приукрашенный золотой век картотечных шкафов.

Тем вечером, ясным, холодным, безлунным, но звездным, они сидели в квартире Фрэнка в «Сент-Стивене» — многоэтажном жилом доме с гостиничным обслуживанием. Тридцатью этажами ниже, в Центральном парке, морские львы лаяли от скуки на небо, тигры рычали, заслышав вой сирены «Скорой помощи», несшейся по Пятой авеню.

— Душа больше не мотылек, — сказал Фрэнк позднее в тот вечер, взболтнув коньяк в суженном кверху бокале, словно приросшем к его руке. — Она уже не взлетает высоко и вольно, радостно сгорая в пламени неведомого. Теперь это приколотый к доске дохлый жучок. Подборка фактов, помещенная в картонную папку и запертая в картотечном шкафу. Но это замечательный товар, если знаешь, как собрать его и что с ним потом делать.

Что, должен был Мюррей признать, не вызывало сомнений. Если он чему-то и научился у Фрэнка Конми, так это тому, как собирать факты, записывать их на бумагу, заносить на микро пленку или магнитофонную ленту, чтобы клиент мог взять в руки то, за что платит деньги.

Но это осталось в прошлом, задолго до того, как дело Ландина было завершено. Оно уничтожило множество безупречных версий и застольных философствований. Будь Фрэнк жив, когда расследование началось, дела могли пойти иначе, но он скончался год назад, до последнего дня сражаясь с гипертонией и игнорируя глупые запреты

врачей относительно спиртного, сигар и мяса. Поэтому делом занимался только Мюррей. И все шишки достались ему.

Их можно было предвидеть по тому, что досье Ландина содержало все и ничего. С одной стороны, информации о нем и о людях, с которыми он был связан, набралось больше, чем они могли предположить. С другой, оказались упущены некоторые чрезвычайно интересные подробности. К примеру, ничего не сообщалось о странном любимце специального помощника районного прокурора округа Нью-Йорк по имени Феликс Лоскальцо. Или что крупный букмейкер Джордж Уайкофф находил вино «Шато д'Икем» слишком сладким. Или что отец Мюррея, никудышный бакалейщик и еще более никудышный поэт, однажды адресовал Уильяму Дженнингсу Брайану* стихотворение, начинавшееся так:

*Давай излечим скверную миопию
И примемся высматривать Утопию.*

Всего этого в досье не было, однако стало ясно, эти подробности имели к нему, Мюррею, серьезное отношение. Фрэнк при этой мысли хлопнул бы себя по лбу и выругался, ведь его всегда интересовало только главное, и клиент всегда платил только за это.

— Кто, что, где, когда! — говорил обычно Фрэнк. — Собери информацию, проверь ее, потом задокументируй факты. Вот на чем я основал это агентство. Вот на что мы живем здесь, когда пятьсот других лицензированных никчемных агентств умирают с голоду.

Мюррей, впервые войдя в приемную этого кабинета, услышал за дверью громкий голос Фрэнка, чеканившего эти слова, и хотел было уйти. Но потом нащупал в кармане мелочь — напоминание о том, что все его земное богатство составляют восемьдесят пять центов — и оставался там, пока секретарша, женщина с леденящей улыбкой общественницы, не ввела его в sanctum sanctorum**.

Три стены этого кабинета были обшиты резными панелями, четвертая представляла собой сплошной ряд

* Уильям Дженнингс Брайан (1860—1925) — американский политический деятель. — Здесь и далее примеч. пер.

** Святая святых (лат.).

металлических картотечных шкафов. Ковер на полу был толстым, мягким, мебель покрывала патина, которая появляется на ценной древесине от времени и заботливого ухода. И при взгляде на Фрэнка Конми у Мюррея создалось впечатление, что та же патина покрывает самого старика. Тогда возраст Фрэнка близился к семидесяти, у него был двойной подбородок, румяные щеки и седые усы, и он походил на удалившегося от дел председателя совета директоров. Однако глаза, пристально разглядывающие Мюррея, были острыми, живыми.

— По какому делу вы хотели меня видеть?

На столе перед Фэнком стояла громадная коробка из древесины ореха для сигар. Он придвинул ее к Мюррею и открыл крышку пухлой, превосходно наманикюренной рукой.

— По поводу работы, — ответил Мюррей. — Я подумал, что вы можете меня взять.

Он задержал руку на крышке коробки, потом мягко ее закрыл.

— Что навело вас на эту мысль?

— На прошлой неделе я разговаривал с одним из ваших сотрудников — человеком по фамилии Коллинз. Он сказал, что уходит отсюда и у вас может появиться вакансия.

— А почему Джек Коллинз думает, что вы пригодны для работы здесь?

— Знаете, я служил в юридической фирме «Канлифф, Мид энд Эппл», а он бывал там, выполняя задания для вас. Вот так мы познакомились, и, видимо, он счел, что я могу справиться с делом.

— Возможно. Но, к сожалению, мистер...

— Керк. Мюррей Керк.

— К сожалению, мистер Керк, Джек сейчас держит путь на тихоокеанское побережье по своему делу и не может рекомендовать вас. Однако если он когда-нибудь свяжется со мной и у нас появится вакансия...

— Знаю, — сказал Мюррей. — «Не звоните нам: мы сами вам позвоним».

— О, мистер Керк, вы неблагоразумны. Даете волю раздражительности. — Фрэнк Конми язвительно улыбнулся, обнажив зубы, слишком уж превосходные, чтобы принять их за собственные. — Не думаете, что человеку в вашем положении следует быть сдержаннее?

Мюррей поднялся со стула:

— Нет, если ему не платят за это жалованье. А поскольку меня нет в платежной ведомости...

— Сядьте, — велел Фрэнк Конми, и Мюррей сел. Последовала долгая минута, в течение которой он ясно понял, что может испытывать человек под оценивающим взглядом отворачивающегося сборщика налогов. Он подвергался этому воздействию, пока в желудке у него не забурило.

— Вы уже не работаете в «Канлифф»? — неожиданно спросил Фрэнк.

— Нет. Утром уволился.

— Что вы делали, пока работали там? Какие у вас были обязанности?

— Официально я был судебным клерком. На самом деле занимался всем понемногу: проводил собеседования с самыми дешевыми клиентами, составлял отчеты, занимался бухгалтерией, прибирал кабинет. Да, раз в неделю ездил в магазин Альтмана покупать съемные воротнички для мистера Канлиффа.

— Как долго это продолжалось?

— Около года.

— А до того?

Мюррей обдумал этот вопрос.

— Откуда начинать?

— Откуда захотите. Только не медлите, мистер Керк, вы тратите мое время.

— Ладно, — заговорил Мюррей. — Вырос в Вест-Сайде, в районе Сто шестнадцатой улицы и Бродвея, где у отца была бакалейная лавка. Поступил в Городской колледж, потом пошел в армию. После службы поступил на юридический факультет Университета Святого Иоанна по льготе для демобилизованных. Сдал выпускные экзамены, получил работу в фирме «Канлифф, Мид энд Эппл». И вот я здесь.

— Почему? — спросил Фрэнк. — Что заставило вас бросить ту работу?

— Зарплата.

— Сколько вам платили?

— Сорок долларов в неделю, — ответил Мюррей. — Это без вычета налогов.

Фрэнк фыркнул.

— И вы жили на эти деньги?
— Вряд ли это можно назвать жизнью.
— И если я предложу вам пятьдесят в неделю, разница будет значительной, не так ли?
— Нет, — ответил Мюррей, — не будет. Но для начала я согласен и на это.
— Я так и думал, что согласитесь, — сказал Фрэнк Конми.

Незадолго до смерти Фрэнк заговорил о том дне:

— Я хорошо его помню. Джек Коллинз сказал мне, что ты можешь появиться. «Жди парня с лицом церковного певчего, в залоснившемся костюме и с голодным блеском в глазах. Возьми его, если можешь». Я узнал тебя, едва ты заговорил, потому что ни у кого на этой зеленой скамеечке для ног не было в глазах такого голодного блеска. Я мог бы купить тебя с потрохами за пять долларов.

— Старый сукин сын. И ты заставил меня это выдержать?

— Заставил. — Фрэнк с тоской вздохнул. — Да простит меня Бог за то, что говорю это, Мюррей, но какое развлечение остается для человека, не способного предаваться любви с женщиной и давать пинка в живот тем, кто способен? Однако это не главное. Я хочу довести до твоего сознания, что голодный блеск — самое большое достоинство, какое я могу найти в человеке. Из-за него я и взял тебя на шестьдесят долларов в неделю.

— На пятьдесят.

— Шестьдесят, — спокойно сказал Фрэнк, — и давай не спорить. Сам знаешь, от любого спора кровь у меня начинает пузыриться, как сельтерская вода.

Вначале было пятьдесят, притом наличными.

В кабинете Фрэнка Конми было две двери. Мюррей вошел в одну; его провели через другую в анфиладу помещений: комнату следователей, комнату стенографисток, кладовую, фотолaborаторию. По манере Фрэнка представлять его он понял, что самой важной персоной здесь была миссис Нэпп, совмещавшая должности личной секретарши, надзирательницы за стенографистками и хранительницы ключей. Маленькая элегантная женщина с прекрасно уложенными подсиненными волосами была, должно быть,

очень хорошенькой тридцать лет назад. Следы былой красоты сохранились, но теперь казались грозными, как сочетания корпуса тяжелого крейсера.

Заполняя различные документы о приеме Мюррея на работу, она быстро говорила авторитетным тоном:

— Мистер Керк, в некоторых вещах мистер Конми очень требователен. Вы не должны слоняться возле комнаты стенографисток и иметь с девушками каких-либо дел. Прекрасно понимаете, что я имею в виду, так ведь?

— Понимаю.

— Секретные папки с досье находятся в кабинете мистера Конми, — имейте в виду, что вас они совершенно не касаются. Если вам потребуются материалы из них или вы захотите вернуть материалы на место, обращайтесь ко мне, и я этим займусь. Уходя с работы, не оставляйте на столе никаких документов. Непременно отдавайте их мне, даже если просто уходите на обед. Это понятно?

— Понятно.

— Всякий раз, приходя или уходя, расписывайтесь в журнале — вот в этом, на моем столе — в нужной колонке и указывайте время. Если согласны поработать сверхурочно, расписывайтесь в колонке «Согласие» и пишите, где вас можно найти. И пожалуйста, не расписывайтесь там, если у вас нет серьезных намерений. Неприятно искать замену в последнюю минуту.

— Какая польза в этих расписываниях? — спросил Мюррей.

— Вам заплатят сверхурочные за эту работу. И вот что еще, мистер Конми не хотел бы, чтобы вы рассказывали о своей работе посторонним. Обычно наши сотрудники говорят, что работают в исследовательской организации, если речь пойдет об этом среди незнакомцев.

— А среди друзей?

— Тут вам понадобится здравый смысл, мистер Керк. Да, распишите здесь и вот здесь. Есть вопросы?

— Нет, — ответил Мюррей. И добавил, не удержавшись: — Не особенно похоже на кино, так ведь?

Миссис Нэпп проницательно посмотрела на него:

— Не похоже, мистер Керк. Мы не предлагаем выпивку, блондинок или пули. Собственно говоря, ни у кого здесь нет разрешения на ношение огнестрельного оружия, кроме самого мистера Конми, и я очень сомневаюсь, что он

знает, с какого конца стреляет пистолет. Уясните себе, мистер Керк, что мы законная деловая фирма, уполномоченная начальником отдела лицензий штата Нью-Йорк оказывать определенные законные услуги. И вы, молодой человек, так же подчиняетесь законам этого штата, как все. Надеюсь, будете постоянно об этом помнить.

— Буду.

— Отлично. Теперь вы начнете с управленческой папки. Слушайте меня. За столом мистера Манфреди есть свободное место, и он объяснит вам, что это за папка. Мистер Манфреди, это мистер Керк. Оставляю его на ваше попечение.

В большой комнате стоял десяток столов, половина из них была занята. Сидевшие за столами молча проводили взглядами миссис Нэпп, безразлично посмотрели на нового собрата и вернулись к работе. Манфреди, худощавый, с длинным крючковатым носом и печальным, как у пойманного журавля, выражением лица, обратился к Мюррею:

— И что привело тебя в эту западню, мой друг?

— Здесь работал мой знакомый — Джек Коллинз. Знал его?

— Ты сидишь на его стуле. Мы с ним коллеги, только у него возникло острое желание открыть собственное агентство в Лос-Анджелесе.

— В общем, он сказал мне, сколько получал здесь. Я счел, что недурно.

— Пожалуй. Джек был пробивным, работал главным образом по делам с добавочным вознаграждением. Путь до этого долгий. Говорю это на тот случай, если ты думаешь, что наткнулся на золотую жилу.

— Что ж, раз такое дело, я могу тратить только время, — сделал вывод Мюррей.

— Справедливо, — сказал Манфреди. — Теперь я покажу тебе, на что будешь его тратить.

Управленческая папка представляла собой стопку кратких автобиографий, отпечатанных на машинке или на ротаторе, некоторые были написаны печатными буквами.

— Дело вот какое, — стал объяснять Манфреди. — Когда служащий хочет устроиться в какое-то солидное учреждение, он там не появляется. Просто отправляет почтой свою автобиографию и потом молится Богу. Компания переправляет этот материал нам, и мы проверяем в нем